

УДК 94(47).084.3

ТРАДИЦИЯ И НОВАЦИЯ В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОМ ПРЕОБРАЗОВАНИИ РОССИИ

О.А. Мирошников

В предлагаемой статье анализируется взаимосвязь традиций и новаций в становлении тоталитарного режима в СССР.

Ключевые слова: традиция, новация, преобразование.

Целью данной статьи является необходимое для более адекватного понимания постсоветских идеологических, политических и социальных проблем исследование традиционного и новационного аспектов становления тоталитаризма в советскую эпоху.

СССР можно рассматривать как пример страны, в которой в ходе революционного процесса утвердился левототалитарный режим. Его утверждению способствовали особенности преждевременного развития страны, внешне - и внутривнутриполитические обстоятельства, сочетание элементов традиции и элементов новации, соответствующая – расстановка сил и политические настроения.

Суждения о русской революции разнообразны. Всё же следует отметить две основные тенденции в исследованиях, посвященных ей. Одни авторы больше говорят о чертах, сближающих русскую революцию с революциями в других странах, например, с французской. Другие делают акцент на особенностях развития России, обусловивших и характер русской революции. В русской, как и во всякой другой, революции, несомненно, имели место проявления тех и других элементов. Но мы начнём с хода и предпосылок русской революции. А это заставляет обращаться к фактам гораздо более давним, чем те, что непосредственно предшествовали революционному процессу. Характер развития страны в новое время во многом был определён историческими фактами, имевшими место еще в средневековье.

В выборе политического развития Руси колоссальную роль сыграла гибель именно господствующего класса во время монгольского нашествия. После нашествия на северо-востоке было расчищено место для расцвета новой знати, формировавшейся на основе побеждающих отношений подданства. Буржуазные отношения могли возникнуть лишь на основе имеющихся в феодальном обществе свобод. Существовавшая же в России система подданства (в холопской форме) этому не способствовала [16, с. 75]. Кровавый кошмар монгольских нашествий, ставивший под вопрос само существование народа, сделал приемлемой для национального сознания любую цену внешней безопасности. В том числе - и цену личных и гражданских свобод, цену суверенитета общества.

Другой особенностью развития страны явилось существование уже в довольно позднее время (по сравнению с европейскими странами) общины. По

мнению Н.Н. Покровского передельная община была явлением сравнительно поздним, представляя собой лишь одну из трёх форм крестьянской общины позднего феодализма. Помещики и государство стали той силой, которая насаждала уравнительную общину сверху. В общинах свободных крестьян размер земельных наделов определялся главным образом трудовыми возможностями крестьянской семьи [13, с. 18-19]. С этим мнением впрочем, не во всём можно соглашаться. Сохранение передельной общины долгое время после крепостного права (ее окончательно ликвидировали лишь большевики) было связано с объективными причинами.

Государство и община, по сути дела, игнорировали друг друга, Верхушечное Российское государство не могло представляться народу истинным, истинной была Россия - община.

Община (как и артель) в силу своего уравнительного характера являлись первичными ячейками тоталитаризма, тоталитарными структурами. Но, в отличие от правящей тоталитарной структуры, были неполновластными. Чем ограничивалось вмешательство общины или артели в жизнь их членов? Тем, что как община и артель в целом, так и каждый их член подчинялись высшим властям. Поэтому часто (но далеко не всегда) ни община или артель, ни староста не могли заставить члена общины или артели выполнять то, что этими высшими властями было запрещено. Царская администрация и общинная структура не дублировали друг друга, высшая власть, как правило, не имела своих агентов внутри общины (артели). Поэтому отдельный общинник (артельщик) больше зависел от власти общины (артели), чем от высшей администрации. Забегая вперед, следует отметить, что после Октября новой власти удалось утвердить своих представителей внутри низовых тоталитарных структур (колхозов, заводских коллективов), что сделало зависимость последних от вышестоящих структур абсолютной.

Особенности развития русской промышленности во многом были связаны с традициями русской общины и артели. Несмотря на заметные успехи промышленности, перед капитализмом в России стоял барьер, который он так и не смог преодолеть. Имеется в виду, прежде всего, индустриализация, для которой требовалось большое количество крупных капиталов, квалифицированных специалистов и рабочей силы. За исключением рабочей силы все остальное отсутствовало. Но и потенциальная рабочая сила русской промышленности была рассеяна по деревням, так сказать, "сидела на земле". Более половины крестьян производили сельскохозяйственную продукцию в количестве, едва достаточном для того, чтобы прокормить самих себя и свои семьи. Эти потенциальные будущие рабочие не могли, однако, влиться в ряды рабочего класса, так как в стране не было достаточно капитала для организации новых рабочих мест.

Значительная часть сельского населения не имела средств для того, чтобы прокормить самих себя и свои семьи.

За счет крестьянской бедноты численность плохо оплачиваемой прослойки рабочих росла и соответственно увеличивался разрыв между Россией и другими великими державами по размерам национального дохода на душу населения

[6,с.33]. Правда, перед первой мировой войной, в связи с экономическим ростом поднялось благосостояние населения [7,с.77].

Маргинализация в Российской империи была весьма велика, но она носила скрытый характер: помимо явных люмпенов, к маргиналам следует отнести плохо орабоченных крестьян и ту большую половину сельских жителей, которая с трудом кормилась около земли. Требования, выдвигаемые рабочими, были близки к маргиналам, но в дальнейшем между этими двумя социальными слоями непременно должен был произойти раскол. Они могли идти вместе лишь до победы над общим врагом – буржуазией.

Революционные события 1905 - 1907гг., по-видимому, не привели к перевороту лишь благодаря тому, что расстановка сил в армии не отражала общую расстановку сил в стране. Зато это соответствие было установлено в ходе мировой войны. Буквально в первые же месяцы ее полегли на полях сражения люди, определявшие в ту пору характер российской армии: прежний офицерский корпус, унтер-офицеры и элитные части. Расстановка сил в армии уже с конца 1915г. приходит в соответствие с расстановкой сил в обществе, последняя же была явно не в пользу существующей власти.

События февраля 1917г. можно было предсказать уже в то время, когда мобилизация охватила большую часть взрослого мужского населения: в 1905 - 1907гг. лишь небольшая часть армии поддержала революционеров, теперь соотношение должно было измениться не в пользу царизма: каким процент противников самодержавия был среди населения, таким же примерно он стал и в армии. Рабочие волнения в Петрограде были бы подавлены в зародыше, если бы не прямое сочувствие солдат и казаков, вначале саботировавших приказы командования о разгоне демонстраций, а потом и активно поддерживавших рабочих, выступив с оружием в руках на их стороне.

После февраля в стране установилось двоевластие: правительство и Советы. Не только помещики и буржуазия, но нередко также офицеры, чиновники и высшие служащие не могли принимать участие в выборах в Советы. Все органы Совета были подотчетны общему собранию (пленуму) членов Совета, который избирал исполнительный комитет и другие звенья Советского аппарата. Исполкомы учреждали президиумы в составе председателя, его заместителей (товарищей) и секретаря. Комиссии (отделы) учреждались либо при исполкомах, либо непосредственно при пленумах [12,с.38].

По свидетельству современника из враждебного большевикам лагеря, местные Советы рабочих депутатов усвоили все навыки самодержавия с той только разницей, что худшие представители прежней власти всё же отвечали за свои действия, тогда как Советы были абсолютно безответственными. Их коллегиальная безответственность прикрывала ошибки невежд и преступления людей злой воли. При этом Советы распространяли свою компетенцию на все области жизни, и даже на церковную [6, с. 108].

Внутри системы Советов в ходе подготовки и осуществления Октябрьского переворота, действуя от имени Советов, возникали военно-революционные комитеты (ВРК). Находились они под влиянием большевиков, и там, где сами

Советы находились под влиянием других партий (ВРК) обеспечивали их переизбрание. Во многих местах власть переходит непосредственно к военно-революционным комитетам, или

иначе ревкомам, еще в ходе та называемой "Корниловщины". После ликвидации корниловского выступления ревкомы продолжают сохранять власть, опирающуюся на вооруженных рабочих и солдат [1, с. 94].

Тайна победы в 1917 г. партии большевиков заключается в том, что все ее противники пытались следовать некоей логике своих программ, неважно каких. Только большевики заняли утилитарно - конъюнктурную позицию приспособления к той наличной ситуации, которая в условиях раскола неизбежно отвечала на любые масштабные решения дезорганизацией. Большевики стремились на эту уникальную ситуацию дать уникальный ответ, а именно - создать идеологические, организационные формы, способные постоянно отменять собственные решения, а также систему безличного и одновременно тотального террора, способную сокрушать любой акт дезорганизации, порождая необоримый ужас у ее (дезорганизации) потенциальных носителей. Опорой большевиков могли стать (и стали) Советы. [2, с. 63-64].

В городах и воинских частях Советы распространялись довольно быстро. Что касается сельской местности, то здесь у них успехи были гораздо скромней. Накануне Октября Советы существовали во всех губерниях, в большинстве уездов и лишь в незначительной части волостей [11, с. 793]. В селах же и в деревнях, за редким исключением, в этот период Советов не было вообще. Это объяснялось как недоверием крестьянства к новой форме власти, так и нежеланием эсеров создавать низовые Советы в сельской местности. В губернских и уездных сельских Советах эсеры имели неоспоримое большинство. Большевики пытались создать низовые сельские Советы. До Октября они в этом не очень преуспели. "Внизу" сохранялся аппарат крестьянского самоуправления. После Октября большевики стремятся контролировать классовый состав Советов. Редактируя проект первой Советской конституции (утвержденной V съездом Советов 10 июля 1918г.), В.И.Ленин делает свои замечания. Так, первоначально в пункте 14 конституции говорилось: "Те Советы, где допускаются к участию в выборах и пользуются правом быть избранными лица, обозначенные в 1-ой части ст. 13, или нарушаются положения представительства, установленные выше, лишаются представительства на съездах". В.И.Ленин делает замечание, ужесточающее этот пункт: «Этого мало: их надо распускать». [5, с. 549]

В результате давления со стороны большевистской партии Советы лишились реальной власти, которая сконцентрировалась в их исполкомах. Для этих последних, как и для партийных организаций была создана на VII съезде Советов (декабрь 1919г.) вертикальная система субординации: подчинение нижестоящих исполкомов исполкомам более высоких административных уровней [3, с. 145].

В ряде партийных организаций работники уездных или губернских комитетов партии полностью уходили в губернские или уездные Советы, составляя в них фракции, которые и выполняли одновременно функции комитетов партии соответствующей организации. По мнению

большевистского партийного руководства, партия, стоявшая во главе Советов, принуждена была своим положением выдвинуть туда широкие кадры работников из своей среды.

Своеобразный толчок, ускоривший слияние партийных и государственных функций, был дан Брестским миром: немцы запретили Советскому правительству ряд действий, определив их, как враждебные для себя; в ответ большевики возложили соответствующие функции на ЦК, обойдя, таким образом, запрет. Впрочем, некоторые члены Совнаркома были членами ЦК партии с момента образования правительства, так что здесь перед нами "личная уния". Поэтому первоначально, несмотря на всю видимую сложность (наличие множества структур, реальной власти не имеющих), схему власти можно представить следующим образом: вверху ЦК и Совнарком, внизу - подчиненные им большевистские фракции в Советах разного уровня. Позже эта схема усложняется. С конца весны 1918 г., когда угроза для власти большевиков резко возросла, в массовом порядке насаждаются ревкомы, комбеды, чрезвычайные всевозможные комиссии (от Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией до Чрезвычайной Комиссии по заготовке валенок и лаптей). Через эти авторитарные и тоталитарные структуры большевистская верхушка осуществляет свою власть над страной. На VIII съезде партии было принято решение о создании единых структур партийных и государственных, административных и территориальных органов. Была усилена подотчетность местных органов высшим органам власти. Естественно, централизация потребовала создания центра. Система высших партийных органов, с некоторыми изменениями действовавшая в последние десятилетия, была создана именно на этом съезде. Здесь было создано Политбюро - высший руководящий орган партии, задачей которого являлось общее руководство политической работой.

Определенное упорядочение органов партийного руководства шло бок о бок с падением роли почти всех других органов власти и управления. Так, первоначально предполагалось, что ВЦИК - высший орган власти Советов - будет заседать более или менее постоянно, но заседания происходили все реже и после 1922 г. свелись к трём заседаниям в год. VIII Всероссийский съезд Советов сделал попытку восстановить власть ВЦИКа, возложив особые полномочия на его президиум. До тех пор Президиум являлся неформальным руководящим комитетом, в который входили главные должностные лица ВЦИКа, включая председателя. Фабзавкомы, советы старост, многочисленные рабочие комиссии либо распались, либо были поглощены вновь создаваемыми государственными и партийными учреждениями.

Осуществление партийного руководства советским государственным аппаратом облегчалось однотипностью построения системы партийных и советских органов, которое выражалось, во-первых, в том, что как партийные, так и советские организации построены были по одному и тому же организационному принципу - по принципу демократического

централизма и, во-вторых, тем, что строительство партийных органов на местах с первых же дней Советской власти происходило на основе существовавшего тогда административно-территориального деления. В результате последнего основные звенья системы партийных органов соответствовали звеньям

советских государственных органов. Итак, уже в этот первый период, в период так называемого "военного коммунизма" отождествление принципов гражданской, военной и политической организации - существенный признак бюрократического правления - становится одним из главнейших правил функционирования политической системы в целом. Законодательные функции целиком передаются центру, хозяйственные вопросы - местным органам ВСНХ, которым придавалось исключительное значение. Им предоставлялись все регулирующие права над всеми органами власти и право "принудительности решений". Та же компетенция, которая еще сохранилась за местными Советами, была весьма незначительной и сводилась к исполнению поступающих из центра приказов, что привело к фактической ликвидации большинства Советов. В сохранившихся губернских органах власти наиболее значительными стали не сами Советы, а их исполкомы.

Выход из этого кризиса Советов был найден в децентрализации управления. Уже в январе 1919 г. была провозглашена целесообразность возвращения хозяйственных функций местам. Сохранившаяся местная власть в лице II Всероссийского съезда председателей губисполкомов поддерживает это решение и дополняет его предложением о создании в своем составе специальных хозяйственных органов. В конце того же года II Всероссийский съезд Советов принимает официальный курс на децентрализацию «по вертикали» и «по горизонтали». Съезд ставит Советы между наркоматами и ВЦИК, давая Советам право приостанавливать распоряжения наркоматов, если те противоречат интересам мест, обращаясь за разрешением спорных вопросов непосредственно во ВЦИК. Этим решением Советам дано право защиты своих интересов.

Восстановление местного самоуправления потребовало четкого определения тех единиц, над которыми оно будет осуществлять свою власть. Было решено считать таковыми относительно автономными в хозяйственном отношении территориальные общности населения, присвоив им независимо от размера (губернии, уезды, волости, деревни) единое название коммун [4, с. 74-75].

Впоследствии, по мере появления колхозов, последние становятся основными органами власти на селе, но это уже не органы самоуправления.

Раскулачивание способствовало созданию колхозов, представляя им материальную базу. Действительно, в 1929 – 1930 гг. у зажиточных крестьян было конфисковано имущества на 400 млн. руб., которое было передано колхозам в счет вступительных взносов бедняков и батраков. Это было, кстати, одной из главных причин поддержки коллективизации

беднейшими слоями крестьянства. Колхозы создавались на базе «сохи и бороны», а не новой техники, как было обещано.

Но в то же время колхозы возникли не только под влиянием сиюминутных обстоятельств. Они явились как естественный результат саморазвития во времени и пространстве того самого «азиатского» национального генотипа, который так долго боролся у нас с «западническими» поползновениями [14, с. 373].

В 20-х гг. колхозы создавались преимущественно в форме тозов (товарищество по совместной обработке земли), в которых объединялись крестьянские земельные наделы и кооперированный труд, но не собственность

крестьян. В 1928 – 1929 гг. основной формой колхозного движения становится артель.

В коммуне обобществляется практически все. Она может быть внедрена там, где подавляющее большинство крестьянства не имеет рабочего скота, крупного сельскохозяйственного инвентаря (Китай).

Тоз представляет собой кооператив такого типа, который можно было внедрить в странах, где у крестьян получила уже значительное развитие частная собственность на землю (Польша). Урожай делится не только в соответствии с трудом, но и в соответствии с имущественным вкладом. Инвентарь и скот не обобществляются.

Сельскохозяйственная артель несколько отличается от рабочей артели и не только характером труда. Фактически это - конгломерат нескольких артелей (звеньев, бригад), каждая из которых специализируется на определенной отрасли сельскохозяйственного труда. От тоза ее отличает не только большая степень обобществления собственно земледельческих процессов, но и то, что, помимо этого, обобществлены и неземледельческие отрасли сельского хозяйства (но не все, в отличие от коммуны). Другое отличие от коммуны – дифференцированное (относительно) распределение произведенного продукта. Для государства выгодно уже то, что оно забирает большую часть производимого продукта по бросовой цене (первоначально даже меньшей, чем необходимо для воспроизводства рабочей силы). Колхоз в результате не мог делать собственных накоплений и, таким образом, оказывался также и экономически зависимым от государства, которое снабжало его техникой (в дополнение к внеэкономической зависимости).

Возникновение сталинского плана коллективизации не было основано на гениальном предвидении.

Всех последствий коллективизации, в особенности наиболее трагических ее страниц, не мог предвидеть никто. Бралось то, что лежало на поверхности, в частности, большая товарность коллективных хозяйств по сравнению с единоличными.

Чем объяснить изменение формы коллективизации?

Победа колхозного строя сделалась возможной в результате своеобразного консенсуса между тоталитарным режимом и крестьянством. В кризисной ситуации обе стороны отступили от первоначальных позиций.

Большевики отказались от буквального воплощения в жизнь коммунистической доктрины, которая обрекала крестьян на рабский труд в принудительно созданных коммунах. Крестьяне отказались от земли и воли, смирились с необходимостью работать в артели, получив в замен возможность распоряжаться частью произведенной продукции [8, с. 241-242].

Думается, что Сталин и его присные не остановились бы и перед насаждением в стране народных коммун как единственной формы коллективизации. Курс был вполне сознательно взят на максимально жесткие, с максимальным обобществлением крестьянского хозяйства, формы коллективизации. Если крестьянину удалось в ходе коллективизации сохранить хоть какую-то хозяйственную самостоятельность (приусадебные участки и пр.), то это, главным

образом, - результат его сопротивления процессу коллективизации. Сельскохозяйственная артель утвердилась повсеместно потому, что более жесткие формы сопротивления были физически невозможны. Но почему крестьянин, пусть и оказав серьезное сопротивление, все же пошел в артель?

Напомним, что артель была всеобщей организационной структурой для маргиналов, как городских, так и сельских, когда последние отправлялись на заработки. Самый дух артели был близок российской деревне, в особенности ее маргинальной части (а это почти половина сельских жителей).

Сам колхоз не представлял собой контактный коллектив, каким являлась дореволюционная артель. Бригады и звенья были контактными коллективами, но они мало что решали в делах колхоза.

Колхозы в артельной форме по своей структуре дуалистичны: общественное хозяйство привязывалось к колхозной экономике, а подсобное - к рынку. Формально колхозы принадлежали крестьянам, которые должны были поставлять государству значительное количество продуктов и подчинялись государственным чиновникам. Вся система строилась таким образом, чтобы дать режиму не только экономическую, но и политическую власть над сельским хозяйством и теми, кто в нем работал.

ВЫВОДЫ. Таким образом, можно констатировать, что община и артель являлись теми низовыми структурами, которые в процессе революционных преобразований давали такие (уже новые, но основанные на привычной схеме) структуры, как Советы, коммуны, а позже также ревкомы, комбеды и пр. Подобно тому, как крестьянские общины на Востоке являлись основой восточного деспотизма, так и новые структуры стали основой новейшего подобия этого деспотизма - тоталитаризма.

Список литературы

1. Антонов - Овсенко В.А. В революции. - М.: Политиздат, 1976 - 96с.
2. Ахиезер А.С. Социокультурная динамика России: К методологии исследования// Полис, - 1991,- №5.- С. 45-56.
3. Боффа Дж. История Советского Союза- Т.1.- М.: Вагриус 1990.- 415 с.
4. Говоренкова Т. Кто в городе хозяин? // Коммунист - 1989, - №16-с.61-84.
5. Декреты Советской власти - Т.2. - М.: Политиздат, 1959 - 315с.
6. Деникин А.И. Очерки русской смуты // Октябрь. - 1990. -№10 - с.65 -111.
7. Дэвис Р.У., Гатрел П. От царизма к НЭПу // Вопросы истории. -1992. - №8 - 9 - с.81-102.
8. Измestьев Ю.В. Россия в XX веке. - Н. - Й: Перекличка, 1990 - 517 с.
9. Історія України. Нове бачення. В 2-х томах. -Т.2 -К, Академія 1995 -478 с.
10. Кульчицкий С.В. Ціна "великого перелому". - К.: Либідь 1991-317 с.
11. Лурье С. Российская государственность и русская община // Знание -сила. - 1992. - № 10. - с. 17-28
12. Минц И.И. История Великого Октября. - Т.3. - М: наука, 1979 - 685 с.
13. Морозов П.М. Партия и Советы в Октябрьской революции. - М: Наука, 1977.-389 с.
14. Покровский Н.Н. В пространстве и времени// Эйдельман Н. «Революция сверху» в России. - Прогресс, 1988. - с.3-17
15. Стариков Е.Н. Маршалы // В человеческом измерении . - М: Прогресс, 1989. - с.262-297
16. Субтельний О. Україна. Історія. - К: Академія, 1995. - 521 с,
17. Юрганов А. У истоков деспотизма // Знание - сила. - 1992 - №9 - с. 19-25.

Мірошников О.А. Традиція й новація в післяжовтневому перетворенні Росії
У пропонованій статті аналізується взаємозв'язок традицій і новацій у становленні тоталітарного режиму в СРСР.

Ключові слова: традиція, новація, перетворення.

Miroshnikov O.A. Tradition and innovation in post-October transformation of Russia
In offered article the interrelation of traditions and innovations in becoming a totalitarian mode in the USSR is analyzed.

Keywords: tradition, an innovation, transformation.

Поступило в редакцію 25.12.2007